

Сюй Цзюаньцзюй завидовала Лян Сысы уже давно. Что за несправедливость — обе девушки, а у Лян Сысы такие привилегии? Хоть её и любили, но её положение всё равно не шло ни в какое сравнение с положением мальчиков. Она позволяла себе помыкать двоюродными сёстрами, но никогда не осмеливалась перечить двоюродным братьям. Волосы Лян Сысы были чёрными и шелковистыми, а её собственные — как солома. Кожа Лян Сысы была белой и гладкой, а её — грубой, разве что чуть лучше, чем у парня. Поэтому она завидовала Лян Сысы и всячески пыталась отобрать её вещи!

Лян Сысы была так расстроена, что почти не ужинала. Её бабушка по материнской линии больше всего любила дочь, а значит, и внучку, поэтому вечером тайком дала ей яйцо. Сюй Цзюаньцзюй увидела это и устроила скандал.

Лян Сысы в душе кипела от негодования. Её бабушка не делала различий между мальчиками и девочками, что было видно по отношению к её маме и старшей двоюродной сестре, которые тоже пользовались её любовью. Если её собственная мама её не любила, то кто же в этом виноват?

Лян Сысы злилась. Она никогда не считала себя лучше других и никогда никого не презирала. Что плохого в том, что девушка хочет быть красивой? Разве не каждая девушка хочет быть красивой? У неё за столько лет была только эта красивая одежда, и она просто хотела спокойно полюбоваться собой. Что в этом плохого?

Лян Сысы была не в духе, вечером её переполняла обида, и она, то жалуясь, то капризничая, рассказала всё Старшей тётке Лян. На следующий день Старшая тётка Лян была явно не в настроении и сразу же поставила мать Сюй Цзюаньцзюй в неловкое положение. Мать Сюй Цзюаньцзюй, всегда стремившаяся быть первой, больше всего ненавидела Старшую тётку Лян, и после такого её лицо выражало и злость, и унижение. Старший дядя Лян сохранял спокойный вид и тогда ничего не сказал, но за обедом намекнул на произошедшее. Отец Сюй Цзюаньцзюй выглядел неловко, в душе злясь на дочь и жену, а вечером, закрыв двери, устроил им выговор.

Хотя бабушка Сюй была женщиной мягкой, деньги и продукты находились под её полным контролем. Старшая тётка Лян принесла полфунта коричневого сахара, фунт копчёной свинины, полфунта колбасы, пять сладких паровых булочек с бобами и десять несладких, полфунта рисовых палочек, шесть яиц, шесть лянов хорошего сушёного батата и два фунта обычного сушёного батата. Это был щедрый подарок, поэтому бабушка Сюй тоже не скупилась. Она дала двадцать сладких паровых булочек с бобами, полфунта свинины, фунт красных фиников, два фунта пшеницы и фунт пророщенной сои. Подарки, которые она готовила для своей невестки, возвращавшейся к родителям, не составляли и половины этого, но ведь и её семья давала меньше ответных даров.

Семья Старшего дяди Ляна вернулась домой перед ужином, и вечером две девочки разговаривали под одеялом.

— На что ты злишься! Тебе не стоит злиться, ты должна продолжать улыбаться, постоянно появляться перед ней. Они просто завидуют, и пусть завидуют. Что такого? Разве мы не можем носить новую одежду? Она просто не может видеть, как у других всё хорошо? Кто тут деревенщина, так это она сама!

Лян Тин не была похожа на Сюй Тяньтянь, которая утешала сухо и бездушно. Она была близка с Лян Сысы и знала всё о её семье, даже помнила случай с красной лентой в прошлом году.

— Ты в прошлом году глупо отдала свои вещи, а в этом году, сходя в гости, чуть не скончалась от злости. Ну и молодец!

С досадой сказала Лян Тин. Её резкий характер не был похож ни на Тянь Фан, ни на Лян Цзяньляна, но её отношение к жизни напоминало Тянь Фан. Но как бы люди ни злились на тебя и ни оскорбляли, всё это из-за зависти. А если они завидуют, значит, ты лучше них. Пока ты остаёшься лучше, зависть будет съедать их, а тебе зачем злиться на тех, кто тебе уступает?

— Я тоже злюсь. Ты уже надела новую одежду, а когда же до меня дойдёт очередь?

Лян Тин с нетерпением ждала, когда сможет надеть новую одежду, но когда настал момент идти в гости, оказалось, что уже не нужно.

— В Новый год наденем. Когда наступит Новый год, ты сможешь надеть новую одежду, ведь моя уже однажды была на мне, не в счёт.

Лян Сысы уже не злилась и не обижалась, а просто смеялась и дразнила Лян Тин.

— Это не то же самое!

— Почему не то же самое?

В тот день, когда Старшая тётя Лян вернулась, Третья тётя Лян отправилась к своим родителям с новогодними подарками, приготовленными бабушкой Лян. Подарки Третьей тёти Лян выглядели примерно так же, как у Старшей тёти Лян: три лян коричневого сахара, полфунта копчёной свинины, полфунта колбасы, двадцать несладких паровых булочек с бобами и два фунта сушёного батата. Вещей было меньше, и качество тоже было хуже. Это не потому, что бабушка Лян хотела обидеть Третью тётю Лян, а потому что её семья была слишком бесстыдной. Третья тётя Лян пришла рано утром, а на обед ей дали лишь простую еду без масла, и вечером её не оставили, так что ужинала она уже дома. О подарках и речи не шло — всего десять паровых булочек с бобами, будто это кому-то нужно!

Бабушка Лян была в ярости, но не показывала этого, ведь третья невестка и так чувствовала себя неловко, и если бы она начала ругаться, это выглядело бы чересчур.

Третья тётя Лян и Третий дядя Лян любили друг друга, и женитьба на Третьей тёте Лян стала самым решительным поступком в жизни Третьего дяди Ляна. В то время дедушка и бабушка Лян были против, Старший дядя Лян занимал нейтральную позицию, а Папа Лян лишь немного поддерживал Третьего дядю Ляна, ведь репутация семьи Третьей тёти Лян была слишком плохой.

Мать Третьей тёти Лян была скупой, предвзятой и жадной. Она родила семь дочерей, прежде чем появился сын. Если бы всё ограничилось этим, никто бы ничего не сказал, но из семи дочерей осталась только Третья тётя Лян, а остальных шестерых бросили в горах. Разве можно так поступать с новорождёнными? Хотя сельские жители и предпочитали мальчиков, они не были настолько жестокими, чтобы выбрасывать столько детей! Хотя бы отдавали в другие семьи, чтобы те могли выжить.

Если бы Третья тётя Лян не родилась после своего брата, её бы тоже не стало. Третья тётя Лян служила своему брату как рабыня более двадцати лет, и только после двадцати лет её отпустили, потребовав двести юаней и «три вращения и один звук» в качестве приданого, а также пятьсот цзиней пшеницы, что отпугнуло всех женихов. Даже за невесту с городским пропитанием не просили столько. Третья тётя Лян была трудолюбивой, но ей было уже за

двадцать, и её семья была обузой, поэтому никто не приходил свататься.

Третий дядя Лян с детства был тихим и незаметным, скромным и уважительным к старшим, настоящим крестьянином, но он был упрям в своём желании жениться на Третьей тётке Лян. Родители не могли ничего поделать, и после года переговоров с семьёй Третьей тёти Лян они дали двести юаней, пятьсот цзиней кукурузной муки, двадцать цзиней свинины и десять чи ткани, чтобы женить сына. В итоге Третья тётка Лян вышла замуж в перешитой одежде своего брата и без гроша в кармане, что сильно разозлило семью Лянов.

Но Третья тётка Лян действительно была хорошей — трудолюбивой, доброй и скромной. Единственное, что могло не нравиться, — это то, что она, как и Третий дядя Лян, была слишком мягкой со своей семьёй. После замужества она чувствовала себя неуверенно, особенно после рождения дочери, боясь, что её прогонят. Бабушка Лян одновременно жалела её и злилась на её слабость.

В последнее время, благодаря «наставлениям» Мамы Лян и Старшей тёти Лян, она стала чувствовать себя увереннее, но всё ещё боялась своей семьи. Однако к своей дочери она относилась с огромной любовью, говоря, что, раз ей самой, как девушке, пришлось много страдать, она сделает всё, чтобы её дочь не повторила её судьбу, и даст ей самое лучшее.

Через несколько дней после того, как Третья тётка Лян уехала к своим родителям, муж тёти Лян пришёл с сыном, чтобы принести подарки. Тётка Лян была на восьмом месяце беременности и не могла прийти, поэтому бабушка Лян дала мужу тёти Лян фунт коричневого сахара, полфунта белого сахара, фунт красных фиников, два фунта мяса и полфунта хорошего сушёного батата, а также три конверта с новогодними деньгами для внука по два мао в каждом.

После визита мужа тёти Лян до Нового года оставалось совсем немного. Накануне Нового года в деревенском магазине специально купили фейерверки и петарды без талонов. Лян Цзию долго упрашивал бабушку Лян, чтобы она дала ему пять мао, и купил на них все фейерверки и петарды. Что касается новогодних денег, их трогать было нельзя!

Бабушка Лян разрешала им копить личные сбережения, и новогодние деньги были основной их частью. Кроме троих младших, все прятали новогодние деньги, как только получали их. Старшая тётка Лян и Мама Лян получали небольшие суммы от своих семей, поэтому у них были свои сбережения, и они давали детям по одному мао каждому. У Третьей тёти Лян не было ни копейки, и она давала детям новогодние деньги только после Нового года, когда двойняшки уже спали.

<http://bllate.org/book/16557/1510736>